

Владимир
Митюк

РЕНТГЕН

Владимир Митюк

**Рентген. Остросюжетные
любовные романы**

«Издательские решения»

Митюк В.

Рентген. Остросюжетные любовные романы / В. Митюк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966237-8

Необычны ситуации, в которые попадают персонажи произведений. Осознанно принимают решения, стоят перед выбором или действуют лишь по законам страсти, не задумываясь о последствиях? Расплата неизбежно наступает, но сумеют ли они сделать выводы? Или будут в неведении до самого последнего момента? Об этом и о многом другом вы прочтёте в остросюжетных любовных романах «Рентген» и «И только не было тебя».

ISBN 978-5-44-966237-8

© Митюк В.
© Издательские решения

Содержание

РЕНТГЕН	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рентген

Остросюжетные любовные романы

Владимир Митюк

Дизайнер обложки Владимир Митюк

© Владимир Митюк, 2019

© Владимир Митюк, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6237-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РЕНТГЕН

Глава 1

Самонадеянность неизбежно наказывается. Это уж точно. Казалось бы, все уже переболели, в поликлиниках, как говорили, не стало диких очередей. Как вот...

Сначала чувствуешь лёгкое свербление в носу, вспоминаешь о существовании носового платка и некоторое время хорохоришься. Ну, а потом – надеешься переходить на ногах и лечишься подручными средствами. Водка, мёд, ударная доза витамина С и так далее. Стараешься выкуривать хотя бы на треть сигарет меньше. Однако, как говорится, поздно пить боржоми. Оканчиваются эти потуги тривиальнейшим вызовом врача, когда температура зашкалит выше всякого предела, звонком на работу и наивным обещанием прийти через пару дней.

Участковый терапевт выписывает кучу лекарств, ты послушно выслушиваешь его упреки и несколько дней действительно выполняешь предписания. И топаешь в поликлинику с надеждой закрыть больничный. Всё описанное в точности произошло со мной. С тем неприятным добавлением, что погода, как назло, установилась прекрасная, чуть ли не летняя, а ты беспомощно лежишь и тарачишься в ящик, периодически погружаясь в дремоту.

Итак, грипп захватил меня на самом излёте. Я сначала даже не понял, считая, что обойдется простым ОРЗ, на худой конец, ОРВИ, которые смогу победить при помощи подручных средств. Однако наивности моей не было предела. Коварный вирус проник в ослабший за зиму организм и сделал свое чёрное дело. Хорошо, что ещё никто из домашних не пострадал. Первые дни я просто спал, потел, тупо передвигался по квартире, и смотрел на весеннюю улицу. Когда же солнце заливало комнату, я задвигал шторы и дремал, тем более что дневные передачи меня не шибко вдохновляли.

Наконец, через три дня, я лениво побрился и обтёрся полотенцем – душ запретил врач. Трёхдневный пот пропитал меня до самых печёнок, и, после сей процедуры, я влез в чистое бельё, собрал необходимые документы, пошёл на приём.

Действительно, на улице подсохло, и я не спешил, зная, что всё равно придётся торчать у кабинета. И оказался прав. В узком проходе столпился народ, желающий попасть к одному из врачей, и я с трудом нашёл последнего. Ладно, час можно потерпеть. Я открыл книжку и прислонился к стенке. Увы, и язык, и содержание желтого бестселлера оставляли желать лучшего. Я посетовал на то, что не взял с собой сборник кроссвордов, и продолжил свое занятие, периодически поглядывая на проходящий народ. Да, русский дух неистребим – всегда находятся желающие пробраться вне очереди, типа – мне за справкой, а мне к сестре. И что – это, конечно же, удавалось. Толстый, в три, ну, в два с половиной, обхвата пожилой мужик в потёртом бостоновом пиджаке и с одышкой, пытался было протестовать, но его оттерли в угол, и он смирился. Я посочувствовал ему, сказав, что с женщинами здесь вообще бороться невозможно, и предложил какой-то журнальчик, случайно оказавшийся в моём пакете. Он успокоился и погрузился в чтение анекдотов.

Никогда не думал, что предполагаемый час превратится в два, и мне уже надоело стоять, но выхода не было. Да и контингент вокруг был специфический – этот приём был утренним. Ладно, сейчас выпишусь, и всё-таки полдня будут моими. Я уже подумал, как распорядюсь свободным временем, и немного повеселел. И ещё – мимо пробежала симпатичная девушка в чёрной водолазке, чёрных обтягивающих брючках и, естественно, с длинными тёмными волосами (Wella Color), и на высоких каблуках. Такой прикид должен был создать эффект более длинных, нежели в действительности, ног, впрочем и так стройных. Девочка, в общем, была хорошенькая, и я вполне понимал её старания. По крайней мере, того же мнения придерживался

и сопровождающий бой-френд, который как-то ухитрился прилюдно похлопать её по тому месту, где эти ноги то ли начинались, то ли кончались. Я усмехнулся про себя, отвлёкся и тут же был взят на таран угрюмой тёткой, танком прорывающейся в кабинет. И это происшествие меня тоже немного развеселило, к тому же подошла моя очередь. Я бодро вошёл и сел на старенький стул, положил на стол больничный и заранее взятую в регистратуре карточку.

Врач мельком взглянула на меня, и продолжала что-то писать в большой амбарной книге. Наконец, обратила внимание на меня и сказала:

– Хорошо, сейчас пойдешь на флюорографию, сделаешь в трёх проекциях, а завтра вечером со снимком – ко мне.

– Как же так, я же абсолютно здоров! Выпишите меня, пожалуйста! Температуры нет, и чувствую себя хорошо.

– Вот и хорошо. Вот тебе направление, сходишь, а пока отдыхай.

– Так мне на работу надо!

– Всем надо. Только здоровым, а то потом лечи вас – лекарств не напасешься. Будьте уверены!

Спротивляться бесполезно, и я спустился на первый этаж, по пути чуть не столкнувшись с симпатичной шатенкой в обтягивающем бежевом свитерке. Она спешила наверх, и я задержал на ней взгляд дольше, нежели положено приличному человеку. Но разглядел странные ножки. Видно, я неисправим. Ладно, хоть это.

Около флюорографии толпился народ – школьники, за справками. Они жутко галдели и пихались. Я протолкнулся к двери – приём нормальных больных начинался с трёх, и мне пришлось возвращаться домой в не совсем хорошем настроении. По пути зашёл в магазин, купил чего-то. Дома сделал несколько звонков, сообщил коллегам, чтобы раньше, чем послезавтра, не ждали. И сказал, когда буду дома – пусть сами звонят, если понадобится. Два часа пролетели быстро, и я опять, переодевшись для столь важного визита, поплелся в поликлинику. Солнце припекало, было немного обидно, а винить, кроме себя, некого. Сдав куртку в гардероб, я приготовился к длительному ожиданию.

В кабинет пускали по пять человек – сначала женщины, потом – мужчины, и так далее. Если не попал, придётся ждать следующую партию. Конечно же, ожидающие норовили войти скопом – пятым, или шестым. Но времени у меня было хоть отбавляй, и я уткнулся в детектив – на этот раз взял с собой другую книгу. Очередь потихоньку двигалась, я её лениво отслеживал, впрочем, не особенно беспокоясь о том, что пропущу – стоящие за мной тоже ревниво относились к процессу. Вскоре пришла и давешняя симпатичная шатенка, невысокая, но очень приятная женщина, и я изредка поглядывал на неё, а она делала вид, что этого не замечала. И пусть. Так время шло быстрее. Мне вообще нравится смотреть на таких женщин – ладненьких и аккуратных, и неизменно приятных. Где бы они ни находились, всё равно привлекают внимание. Впрочем, и мужчины тоже – не тупо накаченные, но гармоничные, если можно выразиться подобным образом. На то, что этот молодой человек – вроде и высокий, розовощекий, с детским выражением лица. Лет ему, по моему разумению, не более двадцати пяти, постоянно суетится, хлюпает носом.

Ему бы не на рентген, а ещё парочку деньков полежать. Впрочем, и я сейчас выглядел не намного лучше. Что уж говорить, и посему сидел скромно. Вскоре пришла и очередь нашей пятёрки, к которой, естественно, примкнули ещё двое, но были безжалостно выдворены сидевшей за регистрационным столиком медсестрой. Она лениво, сообразно со своим возрастом и внешностью, заполняла карточки.

Когда она встала, оказалось, что девушка выше меня, не столь уж и низкорослого, и место ей – не в этой клетушке, а на подиуме. Она и там могла смотреться лучше многих моделей. Но посему привлекательной не казалась. Что удивительно. Медленно, медленно водила ручкой, и получившие заветный листочек из её рук мужики проходили в следующую комнату, где

нам предстояло раздеться до пояса. Сверху, разумеется. Потом – забраться в аппарат, выполняя команды доктора, прижимаясь к холодной стенке, не дышать, и с осознанием выполненного долга удалиться.

Я получил картонную бирку с роковым номером 66, почувствовал дурное предзнаменование, но прошествовал в закуток, где разоблачился до пояса.

Передо мной был пыхтящий дед, с трудом пролезший в рентгеновский аппарат. Я огляделся – совершенно больничный и казенный вид – голубые стены, скамеечки и лежаки с казёнными же белыми простынями – как будто в этом кабинете кому-то может сделаться плохо. Хотя, судя по ожидающему в приёмной контингенту, всё могло быть.

Ладно, подожду ещё чуть-чуть – и всё.

Симпатичная тёмноволосая докторша в белом халате и неизбежных при такой работе очках в тоненькой оправе провела меня к аппарату.

– Так, становитесь сюда. Да не сюда. Вот, сейчас правильно.

И повернула меня прохладными пальцами, видя мою непонятливость. Потом нажала на какую-то кнопку, пол чуть приподнялся, и я уперся подбородком в подставку, как приговоренный к смерти.

– Не дышите. Она нажала на другую кнопку, что-то зажужжало. Потом снова подошла ко мне. Теперь повернитесь боком, сделаем другой снимок. Да не так, а то я снова прикоснусь к Вам своими холодными пальцами. То, что они у неё были холодными, я и сам заметил, но, как ни странно, это прикосновение было приятным. И посему я хотел сосрить, типа: «Ну и хорошо, как раз очень приятно». Но вовремя сдержался – хорош был я со своими комплиментами, отощавший, поддерживающий спадающие брюки – мне пришлось вытягиваться, чтобы положить свой подбородок на подставку. К тому же наверняка она, как и большинство представительниц её профессии, относятся к посетителям-пациентам, как к предметам неодушевленным. Или, по крайней мере, с некоторой безучастностью, если не брезгливостью, ибо проходят через аппарат, как по конвейеру. Серийно и ежедневно. И всегда одно и то же.

Так или иначе, процедура закончилась и я, поблагодарив доктора, пошёл одеваться. Успев мельком бросить взгляд на доктора – да, у неё был очень спокойный и уверенный вид. Ей было, как я подумал, лет тридцать пять, замужем – как свидетельствовало широкое обручальное кольцо на безымянном пальце. Длинный халат скрывал фигуру, но она показалась мне скорее худенькой. Симпатичной и приятной.

Впрочем, я об этом как-то почти сразу забыл, прикидывая в уме, как распорядиться выпавшим свободным днём.

Я опять прошёлся по магазинам, отзвонился на работу и пообещал приехать завтра – на приём мне вечером, а дел накопилось. И продолжил лечиться – то есть, ничего не делать и творчески отдыхать дома. Пропылесосил квартиру, немного прибрался, и, поскольку по телеку ничего не было, возобновил чтение художественной литературы, если так можно назвать детективное чтиво.

Вечером пришёл к концу приёма. Врач придирчиво рассмотрела снимок. Лицо её ничего не выражало, однако она как-то странно посмотрела на меня и сказала:

– Ну что, миленький, воспаление тебе ставят.

– Кто?

– Да рентген. Затемнение.

– Ничего не понимаю.

– Тебе и не нужно. Возьми во флюорографическом кабинете предыдущие снимки. Беги, они ещё работают. А завтра пойдешь к фтизиатру, с этими снимками. Сдашь всё анализы. А потом уж посмотрим.

– Зачем?

– А затем, тут у меня один набегался, теперь на лекарства работает. Или хоронить не успеваем. Иди...

Мои возражения была абсолютно бесполезны, как будто я спорил со скалой. Врач наш, участковый, уже давно перевалила за пенсионный возраст, и потому была непреклонной. И с полным правом называла всех больных на ты. У меня что-то засосало под ложечкой – а вдруг, и в самом деле? Пришлось тащиться опять во флюорографию. Как всегда, толпился народ, а моя попытка пробиться внутрь оказалась безуспешной. Я занервничал. Однако через некоторое время очередь рассосалась, и мне удалось проникнуть в заветную дверь. Длинноногая модель не спеша порылась в картотеке, ничего не нашла и отправила меня погулять минут пятнадцать, которые естественным образом вылились в полчаса.

Я снова робко заглянул в кабинет.

– Ах, это вы? А мы ещё и не искали. Мы заняты, у нас другая работа.

Теперь уже их было двое. Симпатичная докторша раскладывала снимки в карточки, писала свое резюме, и оторвалась на мгновение, чтобы поинтересоваться, кто это пришёл. Меня это спокойствие достало, но, если попал в руки врачам, лучше помалкивать и ждать своей участи.

– Подождите, пожалуйста, мы вас позовём.

Я покорно вышел в уже опустевший коридор, в котором предусмотрительно выключили верхний свет, чтобы не забредал народ, и уселся на жесткий диванчик. Почему-то я почувствовал жуткое раздражение – на себя, на эту поликлинику, на симпатичную докторшу. Кстати, она действительно ничего. Её бы...

Нет, она слишком домашняя.

Но тут зажглась лампочка над дверью, я встрепенулся, вошёл и получил из её рук пакетик со снимком.

– Вот, пожалуйста. Теперь идите к фтизиатру, потом – к участковому.

Голос у неё был усталый, и я подумал, что зря раздражался, – попробуй-ка, пропусти столько пациентов, переложи карточек, и побеседуй со всеми. Я ещё раз взглянул на её тоненький пальчик с толстым обручальным кольцом, и вновь шальная мысль пронеслась в моей нездоровой голове, но я вежливо попрощался и отправился выполнять предписания врача, иногда вспоминая и симпатичную шатенку, и уставшего доктора. Пока не погрузился в обычную жизнь, интересную разве что стороннему наблюдателю, да и то вряд ли.

Так или иначе, в сей кабинет мне пришлось навеститься ещё несколько раз. Увы, при этом я проявлял некоторую неторопливость, даже надоедливость. Но меня терпели, как и сотни таких же посетителей, коим были необходимы снимки, справки.

Только как-то раз докторша несколько ехидно сказала:

– Что-то вы к нам зачастили. Маша, небось, понравилась?

Наверняка фраза была дежурной, ибо попадала в самую точку. Медсестра действительно была хороша, независимо от того, предпочитаешь ты блондинок или брюнеток. Светлые волосы до пояса, а ноги, действительно, от ушей.

Плюс постоянная доброжелательность – ещё не успела очерстветь. Но это пройдет довольно-таки скоро. Невольно задавался вопросом – а что, собственно, она здесь делает? А потом уходил, и забывал, как и десятки других моделей. То есть – зафиксировал и забыл. А, может, этим самым докторша отвлекала внимание от себя?

В тот раз я только улыбнулся – не по своей воле, а кому ж хочется! И несколько растерянно откланялся. Однако, что могло бы показаться странным, я подумал, что, дай мне возможность выбирать, то я, без сомнения, остановился бы на старшей. Но тогда лишь посмеялся про себя и, получив необходимые разъяснения, отправился по своим делам. Мало ли их. И ещё не представлял, к чему всё это приведёт.

Через некоторое время мои визиты к эскулапам закончились успешно, я отдохнул и отоспался, и теперь осталось только получить резюме с флюорографии, чтобы на законных основаниях почувствовать себя здоровым и приступить к работе. Чтобы не толпиться вместе с народом, я решил прийти к окончанию приёма. Но мне пришлось подождать минут десять – проветривание и всё такое.

Я вошёл, чувствуя, как уже успел надоеть за несколько своих визитов – мне не терпелось. Но меня, как всегда, опять попросили подождать.

– Я одна сегодня, Маша (я понял, что так зовут длинноногую медсестру) прихворнула, так что сначала нужно разобрать сегодняшнее.

У меня возражений не было – любая болезнь, так или иначе, выбивает из колеи всех, работающих рядом. И, действительно, она сегодня выглядела немного усталой. Но показалась мне ещё более симпатичной, нежели при первой встрече. Наверное, оттого, что я наконец-таки отдохнул в полную силу и по-настоящему поправился.

На этот раз ожидание не было долгим – через пять минут я снова вошёл в кабинет. Она взяла мои снимки, разложила на стекле, покрывавшем казённый стол, что-то пробормотала про себя и сказала:

– Я сейчас посмотрю в архиве, и всё будет ясно.

Она открыла дверь и скрылась в маленьком кабинетике, доступ в который для меня был закрыт. Там находилось нечто вроде архива, в котором было необходимо порыться в бесчисленных тубах, чтобы извлечь интересующий снимок. Я же, проводив её взглядом, но, хорошенько не разглядев ножки, скрытые длинным халатом, остался ждать, переминаясь с ноги на ногу и дожёвывая очередную таблетку пресловутого «Рондо», на время заменившего мне сигареты. Естественно, с мятным вкусом и освежающим ароматом.

Я был более чем уверен, что теперь всё в порядке, снимки не покажут никакой аномалии, однако ждать не любил никогда. Впрочем, возможность побыть в обществе очаровательного доктора представлялась мне достаточной компенсацией за предыдущую, да и предстоящую беготню по поликлиникам. Увы, таков удел каждого, ухитрившегося неосмотрительно прихватить грипп или ОРЗ. Сейчас же я чувствовал себя хорошо, но больничный мне закрывать пока не собирались. Нужны были какие-то дополнительные исследования, ведомые только самим эскулапам. Но я повторяюсь.

Однако всякое ожидание рано или поздно заканчивается. Она появилась с маленьким пакетом, из которого торчали негативы моих предыдущих снимков. Выложив их на стол, она стала их сравнивать, пробормотав что-то скорее для себя – мол, всё нормально, и остается только написать заключение. И неосторожно повернулась ко мне, чтобы сообщить результат. Да, слишком неосторожно, так, что наши губы оказались как раз рядом, и мне ничего не оставалось, как прижаться к ним, и одновременно положить ей руку на талию. Губы её были чрезвычайно мягкими и нежными, и даже сладкими. Она не противилась моим поцелуям, а, наоборот, придвинулась ко мне. Я обнимал её, совершенно позабыв о том, что хотя приём уже закончился, кто-то запросто мог вломиться в незапертую дверь. Возможно, и она забыла об этом. Потому что позволила мне ощутить её гибкое тело, и её огромные, даже под стеклами неизбежных очков, глаза прикрылись, и веки немного дрожали.

Я был не в силах оторваться от женщины, удивляясь и своей наглости, и её ответному порыву. Потому что иначе происходящее назвать было просто невозможно. Не знаю, сколько прошло времени, пока мы смогли перевести дух – сердце чуть не остановилось. Я не выпускал её из объятий, она откинулась на жёсткий стол, покрытый поверх дерматина стеклом...

Оно сдвинулось, и лампочка чуть не упала на пол, абажур покачнулся и отбросил тень. Руки мои по-прежнему лежали на её бедрах, не решаясь продвинуться на сантиметр ни выше, ни ниже, и даже расстегнуть хотя бы верхнюю пуговку белого халата.

Но мы соприкасались, и этого было вполне достаточно для того, чтобы вконец потерять голову. Мы на минуту замерли, прислушиваясь к собственным ощущениям. Доктор доктором, но пульс её сбился, щёки покраснелись, а вишнёвые губы выглядели столь соблазнительно, что хотелось просто любоваться ими.

Вдруг она подняла на меня глаза и сказала настолько ровно, насколько была способна в такой ситуации:

– Ну, а что дальше?

Если признаться честно, то и мне самому дальнейшее представлялось весьма туманно. Но был факт – она меня не оттолкнула и ответила на поцелуй. Значит, был определённый шанс, и мне предоставлялось право решения. И оттого, насколько адекватны будут мои действия, настолько положительным будет для меня результат. Причем не сиюминутный. Для этого большого ума сейчас не нужно. Или я ошибался?

Было ясно, что девушка ждала от меня какого-то действия. Прямо сейчас. Секунды бежали, неумолимо отдавая нас друг от друга, но в глазах её я ничего не мог прочесть. Чуть заметные смешинки в глазах и вопрос. Но испуга не было. Более того, она была уверена в себе, и абсолютно независима. И посему представлялось возможным три варианта. Первый, и, к сожалению, совершенно бесперспективный, трусливо попытаться обратить всё в шутку. Мол, милый доктор, вы прекрасны, и всё такое. Потом посидеть с ней до конца приёма, попробовать договориться о следующей встрече и...

Но она неизбежно почувствует неуверенность, сомнения, а женщины этого не прощают. По крайней мере, в начале знакомства, и этот путь, увы, тупиковый. Ухоженный и нежный доктор и так, по моему скромному разумению, не был обделён любовью. А тут ещё один. И её возможные сомнения усилятся, а в таких случаях действия женщин, увы, предсказуемы.

Она, несомненно, будет клясть себя за столь неуместный для замужней женщины порыв и наверняка сделает всё, чтобы это не повторилось в дальнейшем. Во всяком случае, со мной.

Можно было, конечно, попытаться проявить себя джентльменом. В смысле – немного поласкаться, не переходя известной грани, попросить подождать, пока она не завершит свои дела, слетать за коробкой конфет и шампанским, потом пригласить куда-нибудь, благо машина пока на ходу, и карман не пуст, поухаживать. Выпросить у кого-нибудь из приятелей ключ и...

Если она согласится, конечно. Но это вряд ли. Потому что у неё после работы наверняка есть неотложные дела, и она будет спешить домой. Например, встретить детей из школы, сходить в магазин, приготовить ужин, и это неизбежно засосёт, и женщина отдаст предпочтение стабильности возможному приключению с неизвестным исходом. Ибо, повторюсь, её глаза излучали спокойствие и уверенность.

И вряд ли такая женщина помчится в чужую квартиру, чтобы заняться там любовью с первым встречным, пусть даже в некоторой степени привлекательным. Хорошо ещё, что она не отнеслась ко мне, как к неодушевленному предмету. О том, чтобы привести её к себе, или напроситься к ней, и речи быть не могло. Она не была похожа на тех женщин, которые способны это сделать.

Возможно, долгое ухаживание – с цветами, свиданиями и прочими неизбежными и приятными моментами могло дать определенный результат. Если она почувствует, что её хотят не только как женщину, но и по другой, пусть даже надуманной причине. Но и в этом случае она заставит себя построить непроницаемый барьер, ограждающий её от сомнительного мероприятия. И даже может рассказать мужу, упустив, конечно, некоторые подробности – например, что вот, опять за ней пытался ухаживать пациент, и даже приглашал на свидание, но я,

дорогой, люблю только тебя, и мне даже смешно подумать, что кто-то может иметь хоть малейшую надежду.

Да, скорее всего, так и будет. А если это больше, чем порыв, и она не успела осознать происходящее? И пока она ещё в моих объятиях, и я снова ласкаю её губы, глажу роскошные выющиеся волосы, и она неизбежно чувствует моё возбуждение. И не отстраняется, и забыла про могущую вот-вот открыться дверь. Значит, ждёт, а я? И, кстати, я даже не знаю, как её зовут – ничего, кроме инициалов – врач... Е.А., вышитых синей вязью на халатике. Екатерина? Елизавета? Евгения? Только не это. Мне хотелось, чтобы она оказалась Еленой, но как спросить?

И что – неужели, сразу здесь? Но где и как? Я мог проклинать свою не наблюдательность, но в той самой комнатке, где стоит аппарат, я заметил маленькую кушетку. Дерматиновую, покрытую казанной простыней со штампом поликлиники. А женщина лёгкая, и я смогу её поднять. Да, только надо захлопнуть дверь – замок французский, одно движение – и всё. А думать буду потом, потом, а сейчас. Я чувствовал, что если эта попытка продлится ещё немного, то мне уже ничего не понадобится, и я окажусь не то, чтобы несостоятельным, а вообще недееспособным...

Мои нелепые мечтания были прерваны самым прозаическим образом. Дверь, за которой она скрылась, чтобы поискать мои снимки, отворилась, и она вышла спокойно-уверенная, и сказала, не глядя на меня:

– Ну, всё в порядке. Похоже, мы просто немного перестраховались, и зря продержали вас. И тут она посмотрела на меня:

– Ой, что с вами?

Видимо, мечтательно-отрешённое выражение зафиксировалось на моей физиономии, и я не нашёлся, что сказать, а только неловко пожал плечами, как бы понимая, что всё невозможно и сейчас закончится. Но доктор Е.А. взяла меня за руку своей нежной и прохладной ручкой:

– Наверно, перенервничали. Ничего, бывает, – и очень мило улыбнулась, – зато теперь абсолютно здоровы, и можете чувствовать себя свободно, и даже целовать кого-нибудь, не беспокоясь ни о чём.

Она, конечно, имела в виду здоровье, но зря это сказала. Даже не поняла. Я, возбуждённый попытками нарисовать в своем сознании всевозможные картины, невнятно пробормотал:

– Сейчас проверим, – и, удивляясь своей наглости, прижался к её удивленным губам...

– И понимаешь, как ни фантастично это может показаться, всё произошло именно так, как я и представлял. Детали, в сущности, роли не играют.

– Так может, ещё по одной? Погода хорошая, я не спешу, и ты, как видно.

Я согласился, ожидая окончания рассказа. Сердце моё бешено стучало, отчаянно вырываясь наружу, и я действительно не мог встать. Ибо тот доктор, о котором рассказывал мой визави, был моей женой. Вернее, была. Сейчас же я сидел в полной прострации, даже не находя в себе сил думать или анализировать. И прилагал невероятные усилия, чтобы не выдать себя ни словом, ни жестом. А спешить, действительно, было некуда.

– Вот, – Владимир, так звали моего собеседника, подошёл с двумя бутылками «Петровского», откупорил их перочинным ножиком, и протянул одну мне. Ты извини, что я тут разговаривался, понимаешь, иногда нужно излить душу.

Ничего себе, подумал я, рассказывает о своей победе, похождениях. Какая уж тут душа.

Но только кивнул, а он продолжал. Да, нелишне будет сказать, что мы сидели под тентом у одной из расплодившихся в последние годы импровизированных летних кафешек, с пластмассовыми белыми столиками, на красных пластмассовых же стульчиках, впрочем, весьма удобно изогнутых...

В дверь настойчиво постучали. К тому времени она уже сидела за столом, перебирая карточки, а я расположился напротив, тупо глядя на негативы, не говорящие мне ни о чём. Елена нажала на кнопку, и в кабине ввалился дед необъятных размеров. Имеется в виду по ширине, задыхаясь, и протягивая направление. Приём был уже окончен, я знал это твёрдо, но она встала, включила аппарат, и минут десять возилась с последним пациентом, предоставив мне возможность углубиться в свои мысли и осознать.

Но голова моя была свободна от мыслей, и я только ждал её возвращения.

Она опять села напротив, и занялась бумагами, иногда с усмешкой поглядывая на меня, и через некоторое время сказала:

– Всё, молодой человек, мне пора. Через пятнадцать минут меня будут ждать, и посему...

Особых разъяснений не нужно было. Ясно, что жизнь не замыкается этим кабинетом, и всё же...

Что от меня требовалось – умолять, просить о новой встрече, или просто подняться и уйти? Почему-то ноги мои стали ватными, голос куда-то пропал, и я, желая всё-таки сохранить бодрый тон, спросил с некоторой надеждой, со стопроцентной уверенностью в том, что завоевать можно, но удержать:

– Доктор, но мне потребуются дополнительные консультации. И вообще, постоянный контроль за состоянием здоровья.

Она улыбнулась, повторив:

– Вы абсолютно здоровы, и поэтому...

– А профилактика? – с надеждой перебил я её.

– Расписание известно, там на двери. Чётные – утро, нечётные – вечер.

Видно, она окончательно пришла в себя.

– И можете позвонить по телефону.

Она протянула мне бумажку.

– На этой неделе, да?

Она пожала плечами:

– Кто знает. Скорее всего, профилактика вам не понадобится.

Горечи в её произношении я не почувствовал, однако без укора – хотя бы во взгляде – не обошлось. Мне осталось лишь подняться, поцеловать женщину в подставленную щёчку и выйти, оставшись наедине с самим собой и полным раздром в голове.

Вроде бы я имел основания быть довольным своей победой, особой гордости не испытывал. Извечный вопрос – а потом – что? – преследовал меня. Нет, Елена оказалась лучше, чем мои представления, и я до сих пор не могу отойти от пережитых мгновений. Даже не так. Она буквально притягивала меня, и я не мог с собой ничего поделать. Даже если бы она только подала мне надежду, то...

– Понимаешь, – Николай обращался ко мне, совершенно забыв о налитом стакане, – это как внезапное озарение, когда чувствуешь – что именно. Да надо самому прочувствовать, чтобы понять. Мало того, она была просто красивой и милой женщиной. И всё же. Меня не покидало ощущение, что я что-то сделал неправильно, не так. Вторгся в чужую, может быть, размеренную и счастливую жизнь. Ибо, повторюсь опять, Елена выглядела слишком домашней, ухоженной и не обделённой мужской лаской. Мне говорили, что у каждой женщины бывает такой момент, когда она вдруг забывает обо всём, и отдается своим желаниям. Может, я как раз оказался в это время? Да, но потом раскаивается, и вспоминает – фрагмент мне пришлось застать, и тогда уже становится ещё более недоступной. Мне же, по своей необузданной (но никто об этом, конечно, не узнает), сущности, неизбежно потребуется подтверждение. То есть, однократное обладание женщиной тянет к более полному познанию и продолжению.

Женщина же, случайно согрешив, будет каяться – нет, не перед мужем, а корить себя. И с этим ничего не поделаешь. Если для неё это, действительно, не является системой. И что?

– Однако, – он продолжал, – весеннее солнышко растопило мои грустные мысли, и я немного погулял, чтобы развеяться, сходил в магазин, переделал множество мелких дел, а вечером окончательно выписался.

Домашние были рады этому положительному факту, настроение свое мне удалось искусно скрыть, и я был нежен с женой. Но постарался лечь, когда она уже заснула. Наверное, то же было и с моей внезапной любовницей. И никто ничего не узнал и не заподозрил. Ибо быт есть быт, а, если мы долго живем, то и любовь неизбежно присутствует. В противном случае сожительство аморально. И я пытался разобраться в себе и в своих поступках, но тут закрыло, и мне даже подумать было некогда. Нет, вру. Видения преследовали меня, и избавиться от них можно было, только полностью загрузив себя работой. И то лишь на время.

Не прошло и недели, как я, без предварительного звонка – а куда, собственно, припёрся в стандартное трёхэтажное здание, скрытое за панельной девятиэтажкой.

Грешен, но в моём кейсе уютно пристроились бутылка шампанского и коробка конфет – обычный презент при выздоровлении. Я скромно дождался, пока не вышел последний посетитель, и только после того проник в кабинет. Не предполагая, как меня встретят, я не без робости поздоровался.

– Вот, пришёл по случаю выздоровления.

Звучало, конечно, слишком казенно, однако слова застредали в глотке. Несмотря на предыдущий успех, я не был уверен ни в чем. И извлек из дипломата незамысловатое угощение. Гм. Милая докторша только посмотрела как-то вскользь, а длинная модель вскочила, радостно захлопала в ладоши:

– О, как хорошо! Сейчас поставлю чайник, посидим. – В ней бушевала неукротимая энергия молодости, как будто позади не было тяжелого трудового дня. Она вскочила и направилась в ту самую комнату с архивом.

Елена подняла на меня глаза:

– Зачем? Зачем вы пришли? Вроде никаких вопросов и осложнений нет, так что. Она замолчала, и снова уткнулась в картотеку.

– А профилактика? – неуклюже попытался пошутить я, но понял, что слова мои падают в пустоту. И тишина повисла в воздухе. Я переминался с ноги на ногу, отдаляя неизбежный момент ухода, но тут появилась Маша.

И мы усадились за маленький столик – я – на единственный стул на металлических ножках, мои визави – на тот самый диванчик. Я открыл бутылку и разлил её по разнокалиберным чашкам, и беседа потекла сама собой. Причем мне не нужно было напрягаться, за меня это сделала Маша, оказавшаяся отличной собеседницей, и Елена волей-неволей втянулась в разговор. Естественно, никаких скользких тем мы не касались, даже стараясь не затрагивать и профессиональных вопросов. Я тоже ничем не намекал на произошедшее между нами несколько дней назад, а Маша и подавно не была в курсе.

Но через полчаса она быстро вскочила, и со словами «ох, меня ждут, а я опять опаздываю», пулей вылетела из кабинета. И мы остались вдвоём. И замолчали. Общих тем не было, а мой доктор оставалась холодной и отстраненной.

Я попытался взять её за руку, но она её отдернула:

– Не надо, ни к чему, – голос её был ровный, и я не смог уловить ничего по интонации.

И тоже сидел, осознавая, что мимолётная, случайная близость не является поводом для знакомства и, тем паче, его углубления. И только проямлил, чувствуя необычную дрожь в коленках:

– И что дальше?

– А ничего.

– Но почему? – я продолжал бессмысленный разговор, ясно представляя, что услышу в ответ.

– Потому. Это было, – она замялась, – ошибкой, да, внезапной вспышкой. И всё. Искра погасла, и всё. Всё.

Я попытался сказать, что непрестанно думал о ней, и сам пытался отвлечься, но у меня не выходило. Но слова мои были пустой тратой времени, потому что она сказала:

– Я знаю. Но у меня – своя жизнь, и ... – она опять замялась, – мне этого не нужно.

Несмотря на то, что в последней фразе я почувствовал неуверенность, нет, не стопроцентную уверенность, я счёл за благо распрощаться, спросив:

– Ну, я хоть могу надеяться?

Но она отвернулась, только пожав плечами, так что я не мог видеть выражение её лица. Но была ли она в этот момент полностью откровенна, даже перед собой?

Я шёл по улице, тупо улыбаясь себе и своей наивности, думая, что я совершил нечто, нарушившее привычный ход жизни симпатичной докторши, и, может, не только её, заставил женщину испытать ненужные переживания. И сам Но что я – воспоминания при мне.

И вот, в таком состоянии я подошёл к киоску, чтобы купить чего-нибудь из молочных продуктов – сметану, творог – у нас дома они шли хорошо, и буквально нос к носу столкнулся с той самой симпатичной шатенкой, на которую так беззастенчиво пялился в поликлинике.

Я замечал, что люди, встречавшиеся несколько раз в схожих обстоятельствах, считают себя почти знакомыми. И в этом нет ничего необычного. Такова наша, человеческая, сущность. И она почему-то, увидев меня, сказала: «Здравствуйте», после чего мы оба рассмеялись. Потом заговорили о чем-то, и, поскольку у обоих было свободное время, зашли в соседнее кафе выпить по чашечке кофе. На удивление, у нас нашлось сразу несколько общих тем. И всё.

И мы уже почти год периодически встречаемся, она как-то умеет снять напряжение, только одним словом или жестом. Даже ничего не означающим.

Но... Между нами ничего не было, и быть не могло. Просто она почувствовала моё состояние и пришла на помощь. Так жизнь поворачивается. Да, вот, кстати, и она. Как раз вовремя. А то я совсем заморочил тебе голову своими заботами.

Он протянул мне крепкую руку, и пошёл, сказав:

– Извини, если что. Может, ещё встретимся. Вот, как в жизни бывает. Так, я никогда никому не говорил, даже Кате (я понял, что так зовут шатенку), но вот.

Он виновато улыбнулся и пошёл к ней навстречу.

Я оглянулся. К нашему столику, приближалась очаровательная шатенка, в точности отвечающая тому описанию, которое дал мой собеседник. Я не стал с завистью смотреть на них, а просто подошёл к стойке и взял ещё одну бутылку. Из холодильника.

Был тёплый, почти летний вечер. С делами у меня был полный порядок, а спешить – ну куда я мог спешить – разве что напиться до одури. Но ведь так и не узнал продолжения. Хм, вообще, некуда – полностью свободен, как сокол. Вольная, значит, птица. Да, рассказанная мне история была и обычной, и интригующей одновременно. И я подивился абсолютной невероятности случившегося, и, наверное, вскоре забыл бы об этом рассказе, как и о многих других историях, если бы это не касалось меня напрямую. И если бы в том симпатичном докторе я не узнал свою жену. К сожалению, бывшую.

Пусть мой собеседник изменил её имя. И если бы сердце не сжалось от нестерпимой боли, хотя, казалось, рана уже зарубцевалась.

Она ушла от меня, ничего не сказав и ничего не объяснив. Перед этим она несколько дней по вечерам плакала, и все мои попытки утешить её или приласкать оставались безуспешными. Наверное, поздно спохватился. За работой и делами чего-то не понял, просто привык, что так есть и будет. Мне было хорошо и спокойно с ней, я надеялся, что и ей тоже. В душу, конечно, не залезть, но почувствовать, ощутить перемены – это было в моих силах. Я не испытывал неприязни к моему собеседнику, да и в чем он виноват? Нет, виноват, конечно. Или нет?

Мне кажется, что я смог бы пережить факт измены, спонтанный, вызванный неизвестно каким всплеском эмоций, и даже понять. Возможно, она сама не могла себе простить, или я в очередной раз ошибаюсь? Или, узнай я об этом, то волей неволей представлял бы, как она там, ежечасно. И довёл бы и её, и себя. Может, она почувствовала то, что я не мог дать при всём своем старании. Да где оно. По крайней мере, она до сих пор одна, как теперь принято выражаться, и это доподлинно известно. Но на мои звонки и попытки объясниться не отвечает. И осознание этого усугубляет мою вину. Нет, мы, конечно, время от времени общаемся, и сын не без моего внимания, как и должно быть. Но инстинктивно чувствую, что возврата не будет.

И поэтому сижу здесь, на открытом воздухе, если позволяет погода, и выпиваю свою бутылку пива, как правило, не больше, ибо пару кварталов надо проехать до дома, молчу и слушаю чужие истории, совершенно не подозревая, что и сам могу оказаться её героем.

Но если бы на этом всё и закончилось.

Глава 2

Прошла неделя, или две – уже и не припомню. Я по-прежнему иногда забегал на пяточок – вернее, заезжал, и, перебросившись парой фраз с продавщицей, устраивался под тентом со своей бутылкой или пластиковым стаканом. Лица вокруг большей частью были знакомы, и мы иногда кивали друг другу, признавая сей непреложный факт. Отчего становилось уютней. Но я исподволь оглядывал публику, ожидая, что, может, опять появится тот самый Николай, который, сам того не ведая, стал причиной постигшего меня жизненного разочарования.

Да, именно такой выпендренный тон и подходит. Однако в предыдущие дни его видно не было. И мне стало казаться, что я сам выдумал эту историю, себе для утешения. Впрочем, я уже смирился, и пора бы уже было начать планировать иную жизнь. Не только отданную работе...

И он не преминул появиться. Он тоже подъехал на действительно обшарпанном «Жигулёнке», вышел, взял бутылку и направился прямо ко мне. Как к старому знакомцу. Видно, откровенность к чему-то располагает, я невольно оказался благодарным слушателем, и уже неудобно отвернуться и сделать вид, что так должно и быть.

Мы с достоинством поздоровались, рукопожатие было взаимно крепким, как и молчаливое поглощение пенящегося напитка. Пятничный вечер располагал к общению, спешить было действительно некуда, и мы, не сговариваясь, решили взять ещё (совсем, как в рекламе), но внезапно налетел порыв ветра, небо заволочло привычными тучками, и стал накрапывать мелкий, и нескончаемый дождик. Трудящиеся потянулись в павильон, но места на всех не хватало, и Николай совершенно неожиданно предложил:

– А что, Владимир, давай махнём ко мне – тут всего пару кварталов, и посидим.

Наверное, ему хотелось выговориться, и я решил не упустить такую возможность – авось, чего и прояснится. Попросив подождать, быстро схватил бутылку шампанского и коробку конфет – стандартный джентльменский набор – не один же он живёт, и, тщетно прикрываясь от дождя, скользнул в его машину. Моя стояла практически рядом, но я только кинул на неё взгляд, чтобы убедиться, что всё в порядке. Пусть себе постоит и отдохнёт.

Я сел на переднее сиденье и наблюдал, как резвые дворники смахивают набегающие капли. А ехать, действительно, было недалеко, и уже через несколько минут, объехав трамвайные пути и прошкандыбав по внутриквартальному бездорожью, остановились возле стандартного подъезда.

От моего он отличался только тем, что кодовый замок на входной двери хоть и не работал, зато не был выломан, и подъезд был окрашен не тёмно-коричневой, а тёмно-зелёной краской. Мы поднялись на седьмой этаж, и я очутился в однокомнатной квартире, дверь в которую Николай открыл простеньким французским ключиком. Впрочем, их было два, но на второй замок дверь не запиралась.

Почти как и моя, в которой я оказался после развода, – нет, несколько раньше, ибо бумажная канитель тянулась довольно-таки долго, а оставаться вместе мы уже не могли. Но какое это имеет значение, особенно теперь. Но хватит о неприятном, впрочем, кто бы говорил.

Неприбранность бросалась в глаза даже мне, привычному к бардаку. Это показалось подозрительным, ибо я был в полной уверенности, что...

Впрочем, я уже привык ничему не удивляться и не задавать лишних вопросов. Странно, но я не чувствовал к Николаю ни зависти, ни ревности – может, потому, что прошло уже достаточно времени и я свыкся с мыслью о невозможности войти второй раз в ту же реку. Если бы я был человеком восточным, то мне полагалось убить его, но Лену всё равно не вернуть – я неплохо знал свою жену. Однако недостаточно хорошо, чтобы удержать или вернуть.

Она ничего не объясняла, только плакала – не при мне, конечно, её выдавали красные глаза. Не от усталости – это ясно, а от чего-то другого. И достучаться до неё я не смог. И ничего не понял. Может, она переживала свою измену, и потому не могла остаться. Но почему я задумался именно сейчас и отключился от реальности? И зачем попёрся в гости к тому, кто увёл мою жену? Что, набить ему морду? Бессмысленно, ведь её здесь нет. И он-то даже не знал, кто я! Или была какая-то другая, неведомая причина, а сейчас я пытаюсь...

Да нет, уже не пытаюсь, хотя несколько месяцев не оставлял попыток вернуть Елену.

Но сейчас моё внимание привлекла только фотография в рамочке – совершенно неожиданно для такого жилища – Николай обнимал бесподобной красоты женщину – уж можете мне поверить, а у него на коленях сидела хорошенькая белокурая девочка, почти точная копия своей матери. Я не успел вовремя отойти, как услышал голос хозяина:

– Владимир, что застрял? Если хочешь, можешь надеть тапки, а можешь и так. Вмажем, по чуть-чуть, а потом закусим. Идёт?

Какие тут могут быть возражения! Я, наконец, передел туфли, и последовал за хозяином. Из холодильника, дверца которого висела на честном слове, он достал початую бутылку «Охты», мы налили по рюмке и опрокинули внутрь, запив каким-то тоником. Внутри стало немного теплее.

– Сейчас я пельмешки поставлю, – сказал Николай, наливая в кастрюльку воды из-под крана.

Я мельком оглядел кухню – да, женским духом здесь и не пахло. Вернее, они могли появляться, но только заходить ненадолго, не задерживаясь. Старый стол, покрытый салатным пластиком, навесная полка, пара табуреток. Об относительном достатке свидетельствовала только стиральная машина – то ли «Bosh», то ли «Indesit». Почти как у меня.

Пока мы курили, пельмени сварились. Мы разложили их по тарелкам и обильно полили майонезом – здесь наши вкусы совпадали. Присовокупили по паре помидорок и продолжили застолье уже в комнате. То есть, мы элементарно напивались, комментируя транслируемые по телеку новости.

Мы пристроились на раскладном диванчике, откуда Николай убрал брошенные джинсы – на один из двух имеющихся стульев – тот, возле компьютера. Странно, но его квартира показалась мне слепком моей, или я просто вызвал её в своем сознании? Нет, реальность была абсолютной. Как и висевшая книжная полка с не вытертой пылью и едва прозрачным стеклом. То есть, бардака не было, но слишком мужской была обстановка, как и та игра, которую мы начали смотреть не с начала.

Увы, наши проигрывали, и не было заметно, что они пытаются изменить ход событий. Во втором тайме тренер заменил признанных бойцов, и произошло чудо. Не сразу. Просто незаметно инициатива перешла к нашим, и они соорудили пару голов, причём второй – на последней минуте. Проявив, тем самым, известную волю к победе. Мы выпили и за это, и чуть не обнялись.

– Да, надо наших и в сборную.

– А кто тренер, кто?

– Конечно, Москва есть Москва, – в некоторой неприязни к столице мы были едины.

– Если бы ещё «Крылышки» сделали «Спартак».

– Во «Времени» покажут, нет прямой трансляции. А у наших есть шансы...

– Да, может, в УЕФА пробьёмся. Посмотрим.

– Угу, не менее одного матча.

– Но и не более.

– Увы, если нарвёмся на испанцев или немцев, и на этом всё закончится.

К сожалению, предыдущие опыты оставляли мало надежд удачный исход. Мы даже не спорили, но в какой-то момент я почувствовал, как меня слегка повело.

– Пойду, умоюсь, – зачем-то доложил я, – а то вся физиономия горит, и пошёл в ванную. Она была облицована новыми плитками, сиреневыми, так что ощущалась прохлада, и подставил голову под холодную струю. Это привело меня в чувство, ибо выпито было уже немало. Тем более что в последнее время я не злоупотреблял, а ограничивался одной, максимум, двумя бутылками пива.

– Ну, всё в порядке.

Я пригладил мокрые волосы и плюхнулся рядом с Николаем. Но тот тоже встал, и направился по моему же пути.

Мы выпили ещё, но чисто символически, и я снова взглянул на фотографию, что не ускользнуло от его внимания:

– Да, это жена и дочь.

– И как? – вопрос в свете нашего прошлого разговора был абсолютно бессмысленным, но неизбежным.

– А никак. Он встал и повертел фотографию в руках.

– Всё, кранты.

– Но почему?

Он только пожал плечами, а моё сознание на миг просветлело, ибо и я искал ответ. Уже год. И не понимал.

– Потому. Потому что я больше не мог.

Он не договорил, а я и так понял.

– Ладно, это слишком личное. Давай, ещё выпьем. За прекрасных дам. И не дам, и не вам. Стоя.

Мы встали, как два тополя на Плющихе (третий засох), чокнулись, покачиваясь, как от ветра. И прошло на ура, не задерживаясь. Запили пивом, позабыв, что такой ёрш даст знать о себе не сейчас, а утром. Даже не утром, а когда будет казаться, что всё прошло, неумолимо настигнет жесточайший отходняк. Правда, мы допили последние капли.

Но он, оказалось, сказал далеко не всё:

– Да, мне хватило только одной встречи, – я понял, что он имеет в виду, – и пропал.

– Ну, что там по ящику?

Он взял пульт и начал переключать каналы, а я лихорадочно соображал: так, если то, что говорит Николай, правда ли, что их знакомство ограничилось одной встречей. Значит, мне надо искать причину в другом, то есть, в себе. Но разве ж я не старался? Мне стало себя жалко, особенно сейчас, под воздействием алкогольных паров, ибо я знал, что у Елены сейчас никого нет, да и сам я практически ни с кем не встречаюсь. Так, было пару раз, к взаимному удовольствию, но разве ж это можно считать чем-то серьёзным? И, может, Николай мне ничего мне не рассказывал, а я вложил в его уста свои подсознательные мысли? Сейчас же они путались опять, и я плохо осознавал даже то, что говорил диктор.

– Ну, Вован, давай.

Мой визави наполнил рюмки, и протянул мне хрустейший огурец. Я сделал маленький глоточек и поставил рюмку. Прошла. Почему-то пить больше не хотелось.

Какое-то время мы были погружены в собственные мысли, о чем-то говорили, комментировали, но существовали каждый сам по себе. Повернувшись, я почувствовал, что Николай опять что-то рассказывает:

– И я до сих пор прихожу к той самой поликлинике. Смотрю, как она уходит, и не могу сделать ни шага навстречу, ни подойти к ней. Хотя. Имею ли я право? Разрушать не мной созданное, когда свое уже разрушил. Ты как считаешь? – Но это было не ко мне, а в пространство.

А в глазах его я прочел тоску, или хотел прочесть? Ибо обладал знанием, но не средствами для действия.

– И я не могу к ней подойти. Наверное, там любящий муж и всё такое. Зачем? Ну, извини, тебе это, наверное, совсем не интересно, и не нужно. Извини. Может, что-нибудь придумаем?

– Я позвоню. – Николай протянул мне трубку.

На какое-то мгновение мне показалось, что вот, я позвоню, и всё решится. Хотя, повторяю, к этому времени сердце стало биться относительно спокойно, я стал способен воспринимать реальность. Но что делают несколько рюмок! Мы оба были в волнистом состоянии – то наступали моменты отрезвления, то затемнения, однако к пределу не подошли.

Итак, я набрал номер.

– Лена, это ты?

– Да, и что?

– Как дела?

– Ты же знаешь. Всё в порядке. У Алёшки почти одни пятерки... И...

– Так, может, чтобы было ещё лучше, ты вернёшься? Или я?

– Ты что, Володя, выпил?

– Да, немного. Но могу приехать. Если хочешь.

– Господи, зачем? Особенно, сейчас. Можешь позвонить завтра, если вспомнишь, конечно.

– А, может быть, ты приедешь? Я в гостях, и он парень – хоть куда. (Впрочем, парень в наше время относится ко всем мужчинам от двенадцати и до, однако...)

– Вот ещё, ублажать двух пьяных мужиков. Только этого мне и не хватало для полного счастья! – Лена всегда относилась к пьянству и потреблению резко отрицательно, и поэтому её реакция была предсказуема.

– Ну, ... – я замаялся, действительно, бесполезно воду в ступе толочь, потом меня вдруг прорезало – а что, если использовать обратный ход? И я, не прощаясь с бывшей супругой, передал трубку Николаю, сказав: – Видишь, она не хочет приезжать, попробуй, да?

Мой нынешний собутыльник, и неплохой парень, находившейся примерно в такой же кондиции, поддержал меня:

– Действительно, приезжайте, а то мы сами можем заехать.

– А зачем? Да ещё в таком состоянии!

– Ну, два мужика. Мы тут... – Ик (не в трубку), простите. Глаза не совсем мутные, но речь... Она подводит, хотя переводчика пока не требуется. – Нам... Скра... скрасить наше су-существование... приятным женским обществом. Нет-то мы с-совсем од-дичаем.

Он явно не узнавал её искаженного телефоном голоса. А она – может, чего и почувствовала, но вряд ли могла представить, что соблазнитель находится в обществе её же бывшего мужа. Николай же воодушевленно продолжал.

– Мы страдаем, и пьем, и неужели вам нас не жалко.

– Да, его попытки казались неудачными. – Мы абсолютно без женского общества, и давно. И некого и некому...

– Страдальцы, значит? – мне показалось, что я ослышался, ибо её нежные уста ранее...

Но что было тогда? Кошмар какой-то. Или же я раньше не замечал? Нет, такого просто не могло быть. И Николай тоже опешил. Он-то даже не предполагал, кто на другом конце провода. Но нашёлся:

– Нет, что вы! Просто два мужика и море водки, – он явно преувеличивал, – просто пьянка, безо всякого просвета. Мы окончательно брошенные, оставленные. А я от вас этого не ожидал. Мы уже вообще страдать не можем.

Безо всякого сомнения, здесь он не мог говорить правды.

– И, значит, не перед кем бахвалиться и показывать свою удаль?

– Зачем вы так? Просто звереем, и вообще.

– Ладно, сначала проспитеесь, – но голос её, как мне показалось, был несколько заинтересованным, ибо Николай откровенно ёрничал. Интересно, что привлекает женщин?

– Да нет, всё пока нормально. Правда, Николай? – он кивнул мне, и я не мог не согласиться. – А иначе озвереем. А так – даже и «Шампанское» не открыли, в холодильнике. Вас дожидается. И ваш муж.

– Бывший...

– Ну и что? Ведь этот эпитет ничего не отменит. Правда? И забыть нельзя. И мужик нормальный.

– А вы? – вот, настоящая женщина!

– Тоже. И очень брошенный. Правда, не женой, но всё-таки. – Он соврал, что в такой ситуации оправдано.

– Значит, оба заслужили.

Хм, как она его. И меня, соответственно.

– Н-нет, жизнь. А вас зовут Лена, да?

– Странно, как вы в таком состоянии смогли запомнить?

– ... Васильевна, – продолжал он, не обратив внимания на эту сентенцию, – и, конечно же, доктор.

– О, вы ещё и прозорливы, – я чувствовал, как она усмехается, но, по непонятной мне причине, продолжает разговор, – но вам это не поможет.

– Ну почему. Сознание наше плавает, и то, что вчера казалось невозможным, сегодня – вполне реально. Как волна – то зальёт, то выбросит вверх, и покажется иначе.

– Если не захлебнёшься.

– А можно вдохнуть побольше и нырнуть. А вы носите очки, так? И волосы у вас вьющиеся, тёмные, и вы их иногда подвязываете. Ну, как это называется? Такое колечко, резинка. И талия у вас немного полновата, но это только красит. – Николай, пожалуй, завёлся...

– Боже, вы провидец, и, к тому же, философ.

Неизвестно, о чем она думала в этот момент, ну уж, всяко не вспоминала о давешних событиях. Хотя, кто знает. Услышав это, Николай как-то странно отвернулся, и я почувствовал, что вот-вот может наступить момент осознания. Может, но вряд ли наступит. Ибо Николай не осознавал, что кто-то может находиться рядом и упал в море своих грёз. А я? Он смахнул что-то и передал трубку мне – видно, Елена сказала ему об этом, либо не смог говорить.

– Вы что там, психи ненормальные? – она отчитывала меня, будто имела на это право, – так накушались?

– Нет, не очень, – хочешь, не хочешь, надо было держать марку, – но, знаешь...

– Уже слышала.

– Так, может, всё-таки? – я говорил автоматически, и Елена не могла этого не чувствовать.

– Нет, ты же знаешь, что это бесполезный разговор. – Кому-кому, а мне-то не знать! Даже если она согласится. – В одну реку два раза не войдешь.

– А в тебя? – я произнес чисто автоматически, но

Последнюю фразу Елена проигнорировала и спокойно распрощалась. Может, оно и к лучшему. Не может, а даже точно. Я стоял, опираясь о косяк, в то время как Владимир, поменявшись со мной местами, наливал очередные рюмки. Мы выпили, не закусывая. А он продолжал, забыв, на чём остановился.

– И вот, когда я ушёл из поликлиники, я почувствовал, что и домой не смогу вернуться. Стоп. Нет, не сразу, а через пару дней. И как бы потерял себя. Да. И тут встретил Катю. Она меня спасла, но не ото всего. Ты понимаешь. Да, я тебе говорил, повторяюсь. На этом Николай замолчал.

– И что Катя?

Он рассмеялся:

– Это сложный вопрос, Она тоже, по-моему, в себе до конца не разобралась. Давай, за неё.

Ангела-сохранителя.

Мы выпили опять, но символически, только по глотку – нам уже и так хватило. И хорошо, что Елена так и не согласилась приехать. Ибо мы представляли собой весьма и весьма колоритное зрелище – раскраснелись, речь стала бессвязной, сбитые галстуки – да, по этой принадлежности мы отличались от синих воротничков, но состояние было не лучше. Но ещё контролировали себя. Так, относительно домов и деревьев, не более. А дождь всё шумел, и капал на подоконник. Но он продолжал:

– Да, Катя – моя спасительница. И не более. Впрочем, я ничего ей не рассказывал, даже как тебе. Да. Но и смотреть на неё – уже от этого становится покойно и приятно. А уж голос! И притом – абсолютно одна. Ухаживать за ней бесполезно, да мне и не нужно. Мы говорим. Она – как психотерапевт. Он помолчал, теряя нить разговора. О чем это я? Ах, о Кате. Так вот, мы встретились в тот момент, когда я был в состоянии полного раздвоя, и она постепенно привела меня в норму. И, можешь поверить, за год знакомства я узнал о ней не более чем, допустим, о тебе. Только то, что у неё две девочки. И я не думал раньше, что с женщиной возможна только дружба. Давай за неё.

Как будто он забыл, что мы только что за неё и выпили!

А потом мы стали варить кофе, может, он как-то поспособствует отрезвлению. Кофе, конечно же, убежал, зашипел на раскаленной конфорке, как мы ни следили. И черт с ним. Вытерли влажной тряпкой с «Ferry». И выпили по две чашечки около раскрытого окна. Встать с жестких табуреток было пока не под силу.

Калейдоскопические круги плыли перед глазами, и остановить это бесконечное вращение было невозможно. И мы сидели молча, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. В половине десятого мы с трудом поднялись посмотреть спортивные новости – какое место занимает наш любимый «Зенит». По дороге я поплёлся в туалет, придерживаясь за кафельную стенку. На моё обвисшее хозяйство и самому смотреть было стыдно, не то, что демонстрировать кому бы то ни было.

Короче, женщина если и была нужна, но только для утешения. А, может, и вовсе не нужна – наговорим лишнего, а утром будет стыдно.

Так или иначе, мы успели к началу спортивных новостей, которые, однако, были прерваны надоедливой, но неизбежной рекламой. Мы дождались, когда показали таблицу и объявили, что наши поднялись на второе место.

Впереди – только никому не известные «Крылышки», которых никто вообще не принимал всерьёз. Разве что вмещается «Спартак», если мобилизуется и помогут судьи. Обсудив сей положительный факт, мы решили отметить это событие, и чуть не пропустили, как промурлыкал дверной звонок.

Глава 3

Звонок, действительно, был неожиданным.

– Чёрт, кого может занести в такую погоду? – незлобиво выругался Николай, явно не ожидающий никаких гостей. Действительно, за окном хлестал настоящий ливень, и ветер гнал бесконечные тучи от горизонта до горизонта. Николай с трудом встал, заправил выбившуюся рубашку в брюки и поплёлся открывать дверь, даже не удосужившись глянуть в глазок.

– Катя? Вот не ожидал! Заходи, да нет, туфли можешь не снимать.

Через несколько секунд я услышал очень приятный женский голос, и тоже поспешил привести себя в порядок.

Насколько возможно в данной ситуации. Николай появился вместе с очаровательной шатенкой, очень ладной, в тёмно-синих джинсах и облегающей светлой футболке прямо на голое тело. Она прошествовала босиком, нисколько не стесняясь, и, видно, была тут своим человеком.

Я замер, буквально пожирая её взглядом, и молил бога, чтобы она этого не заметила. Ибо футболка в некоторых местах, куда упали крупные капли, намочила, и явственно обрисовывался упругий сосок.

Мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять – я пропал. Даже на чужой территории. Мало ли что говорил Николай – а вдруг их связывало нечто большее, нежели дружба.

Она же, лишь кивнув мне, обратилась к Николаю, продолжая разговор:

– Еле успела добежать от машины, дождина – просто ужас. А днем было так хорошо. – И тут же без перехода, – а я смотрю, тут у вас пьянка в полном разгаре. За что пьёте?

– Это Катя, а это – Владимир, – едва успел представить нас друг другу Николай, – я тебе о нём говорил. Интересно, когда, подумал я, и ляпнул:

– А мы тут вас вспоминали, долго жить будете!

– Ну, о вас этого не скажешь, – заметила она почти безразлично, – если будете продолжать в том же духе.

И была права.

– Ладно, не сердись, – смутился Николай, – понимаешь, непогода. Мы тут одни, всеми брошенные, без женского внимания.

– И потому не закусываете, пьёте и плачетесь друг другу в жилетку.

– Да, – виновато кивнул Николай, – плачемся, а что остается.

Она толкнула его в бок:

– Хорошо, пойду, посмотрю, что можно сделать. И прошествовала на кухню.

Я же сидел ошарашенный, ибо в прошлый раз видел её только издалека. Но действительность, как это ни банально, превзошла все ожидания. Или это генерировал волны мой больной и утомленный мозг? Я допил холодный кофе, попытался сконцентрироваться хотя бы до той степени, чтобы изображение не двоилось.

И мне стало себя жалко. За никчемность и заброшенность. Я, конечно, утрирую. Но всё же...

Я высунул голову в окно, навстречу дождю, в надежде глотнуть свежего воздуха – но, увы, это слабо помогало.

Катя запихала в наши голодные рты наскоро приготовленные котлеты, с горошком вместо гарнира, политые кетчупом, и мы послушно это съели. Сама же выпила полстаканчика сока, а от шампанского и конфет отказалась.

– Ну вот, скоро на людей будете похожи.

Она сидела в единственном кресле и курила тоненькую сигарету. Потом вышла:

– Надо проветрить, а то можно задохнуться.

Николай только кивнул в ответ...

Около одиннадцати, убедившись, что мы в состоянии контролировать собственное поведение и больше пить не будем, сославшись на то, что ей завтра рано на работу, Катя стала прощаться.

Решив навязаться, я вставил:

– Да и я, пожалуй, тоже пойду. Мне рядом. Заодно провожу даму, если нет возражений.

– Хм, толку-то от такого провожатого, – она в очередной раз скептически посмотрела на меня, правда, я уже немного оклемался – то есть, законсервировался в предыдущем состоянии, то есть, мог поддерживать разговор и не нести пьяный бред, – да ладно уж.

– А ты сам-то дойдёшь? – и Николай сомневался, – я, допустим, могу только упасть в койку.

– Чего уж, проконтролирую, – усмехнулась Катя, подставляя ему щеку для поцелуя, а мне оставалось надеяться, что она живёт не слишком далеко, и я потом смогу добраться домой, не встретившись с нежелательными элементами типа отвязанных малолеток или бдительной милиции, если не сумею поймать машину. Что довольно-таки сложно в такую непогоду.

При этом я как-то не обратил внимания на ту её фразу, в которой она обещала проконтролировать процесс, в котором в роли провожатого должен был выступать я, мужчина.

Мы спустились вниз на лифте. Дождь уменьшил свою, так сказать, интенсивность.

– Сейчас, подожди, – Катя щелкнула пультом, и мы побежали через лужи к стоявшей почти у подъезда машине.

Я плюхнулся на сиденье, и во второй раз оказался в качестве пассажира, теперь уж маленького «Фольксвагена». Да, если бы я рискнул сесть за руль, то, по закону подлости, точно бы оказался без прав минимум на год. Но на фига ей нужен провожатый? Может, она просто решила доставить меня домой, как сестра милосердия, выносящая с поля раненого? Но откуда она может знать, где я живу? Ведь и у Николая был только мой телефон, которым мы обменялись при знакомстве, но адрес? Чудеса в решете. Но мысль моя, увы, запаздывала. Вскоре Катя, хранившая полное молчание и лишь изредка чертыхавшаяся, объезжая колдобины, остановилась и сказала:

– Всё, приехали. И вынула ключ зажигания из машины.

Ага, недалеко, доберусь, – подумал я, закрывая дверь и стараясь при этом не хлопнуть. И лишь после этого, оглядевшись, заметил, что машина стоит как раз у моего подъезда.

– Н-ну почему ж-женщины такие умные, – бормотал я себе под нос, – всё знают, и даже домой доставили, блин. Чего бы это значило?

– Вы что-то сказали? – спросила Екатерина, давайте скорее, а то прохладно, и, ничего не сказав, пошла вперед.

Я, обогнав её, ухитрился не споткнуться и открыл тяжёлую дверь, обитую железом. Сердце бешено забилося. А вдруг?

Она уверенно подошла к лифту, не споткнувшись о ступеньки, и нажала кнопку вызова. Я хотел, было подняться на пол-этажа, посмотреть почту – но вряд ли мне кто писал. Да и кроме рекламы наверняка ничего не было, и потому даже не дёрнулся. Скрипя, кабина остановилась перед нами. Екатерина пропустила меня вперёд и нажала кнопку моего этажа. Я сам это заметил, и утвердительно сказала:

– Шестой?

Мне оставалось только покорно кивнуть. Ну и дела.

Лифт послушно дёрнулся вверх. Я не знал, что говорить и думать, но дверь открылась опять. Сегодня почему-то двери и открываются, и закрываются. А что поделаешь? Я инстинктивно вышел, а она осталась в лифте. И чудом успел обернуться и поставить ногу, когда она сказала:

– Ну вот, и хорошо. А мне выше. Она явно не собиралась выходить, справедливо посчитав свою миссию выполненной.

– А как же? – я искренне, как мне показалось, сыграл недоумение, – я и Вас не проводил, и сам не доставлен.

Она улыбнулась, но с таким выражением, как будто обращалась к камню:

– Ну, пару этажей я и сама могу доехать, если вы не сломаете лифт.

– Пойдите, – продолжал упорствовать я, – не понимаю, как это пару этажей?

Она терпеливо разъяснила:

– Так, заметно, некоторые не отличаются ни умом, ни сообразительностью. Ни, тем более, наблюдательностью.

– Пойдите, – я лихорадочно соображал, но умственные способности остались где-то за пределами выпитого, но мне ужасно не хотелось, чтобы она уходила, – неужели вы способны бросить человека так, буквально в двух шагах? А вдруг я не смогу попасть домой, и вас потом будет мучить совесть? – говоря это, я совсем не думал о том, что её тоже может кто-то ждать, а она вынуждена тратить свое драгоценное время на полупьяного и практически незнакомого мужика.

Непонятно почему – скорее, из неосознанного сострадания, но Катя вышла из лифта.

– Ладно уж, и спать уложу, а то, действительно, с вас станется.

К счастью, мне не пришлось долго рыться по карманам в поисках ключа, и я с первого раза попал в замочную скважину, в очередной раз распахнул дверь, и галантно, (интересно, как это выглядело со стороны), пропустил даму вперед.

– Вот, моё жилище.

Екатерина с видимым безразличием оглядела жуткую прихожую, но ничего не сказала. Действительно, что интересного может быть в стоптанных тапочках, коробке из-под монитора с грязным бельём (хорошо, что закрыта), и чудом держащейся на гвоздиках вешалке?

– Сейчас будем пить кофе.

Это было как бы паролем. Кофе, наряду с пивом, объединяет. Я провел её в комнату, по пути пнув носки под диван. Хорошо, что утром сподобился убрать постель. В общем, бардак был рамках допустимого, если не считать скопившейся кое-где пыли.

Екатерина даже не поморщилась, а только распахнула окно, впуская прохладный ночной воздух. Я же поспешил в кухню. У меня замечательная кофеварка на две чашки – насыпаешь кофе, заливаешь кипятком, прижимаешь ступицей. И – готово. Жидкость просачивается вверх, осадок остается внизу, и аромат не пропадает зря. Чайник кипит быстро, и вот я спешу в кухню с подносиком, с двумя чашечками, очень симпатичными, с золотой каемочкой. Кобальтовые, то есть.

Точно такие же были у нас дома, и я прикупил по случаю полдюжины таких же, возможно, как воспоминания, или по привычке.

Так или иначе, я доставил кофе горячим и не расплескал. Кофе оказался, действительно, превосходным. Аромат наполнил комнату.

– Осторожно, он горячий! – предупредил я девушку, но она уже осторожно взяла чашечку и сделала маленький глоточек.

– Да, очень приятный вкус.

– Может, сахар нужен, или? – я вспомнил, что у меня совершенно случайно оказалась нераспечатанная плитка шоколада. Да, сейчас.

Я достал её из старого серванта, развернул и положил перед Екатериной.

– Пожалуйста.

Она только кивнула и отломилась маленький кусочек. Кофе она пила не спеша, смакуя каждый глоток. Я полностью мобилизовался, но забыл о своём, и он немного остыл. Сегодня я его поглотил столько, что стал почти наркоманом.

Я предложил ей сигарету прямо в комнате, но она отказалась, и мы пошли на кухню. И я снова не мог отвести от неё глаз, даже зная, что она чувствует мой взгляд спиной, но из вежливости не делает замечаний, тем более что я был не по-пьяному сдержан.

– Вот.

Я не знал, о чем говорить, да и она, наверное, уже устала, и потому задал удивительно глупый вопрос, не требующий ни ответа, ни размышлений.

– Вы что, на самом деле знали, где я живу, или как?

А она встряхнула спадающими на высокий лоб волосами, и снисходительно произнесла:

– Вы, мужчины (мне не понравилась, что она обобщает, но что я мог поделать? – умные слова не шли в голову, и соображение подводило), ужасно ненаблюдательны (увы, это так), пока вам чего-нибудь не понадобится. Я живу двумя этажами выше.

– А я, я почему до сих пор не знаю? – сегодня, я понял, что лучше ничему не удивляться.

– Значит, не нужно было.

Нет, такого быть просто не могло. Хотя, что я говорю – конечно, если выходишь в разное время с соседями, то можно и десять лет прожить, ни разу не столкнувшись. А вот её машину я запомнил. Но никогда не видел, как она из неё выходила.

– И у вас бордовая 99, так? – продолжала Екатерина, ничуть не заинтересованная моим замешательством, – так, кстати, где она?

Я махнул рукой:

– Да бросил, мы поехали на его машине, ничего, до утра простоит. Надеюсь.

– В наше-то время, когда всюду такое творится.

– Так вы же не побоялись зайти в гости к почти незнакомому мужчине. Так что...

– Ну, сегодня вы вряд ли представляете опасность, – она опять усмехнулась, да и Коля знает, куда мы поехали. Впрочем, мне действительно пора. Спасибо за кофе. Он на самом деле превосходный.

Впоследствии я благодарил бога за то, что не сделал в тот вечер никаких глупостей, не приставал к ней, и никаких поползновений или намеков. Даже в том состоянии я понял. Нет, ничего не понял, а почувствовал нутром. Пусть и наполненным антисоциальными продуктами. Но печень пока работала. Я проводил её, постоял на площадке, пока она не зашла в свою квартиру – поднялась на два этажа пешком, а не на лифте.

Хлопнула дверь, и я вернулся восвояси, только сейчас почувствовав, как глубоко нагрелся.

Излишне будет говорить, что утром я с нетерпением ждал Катю у подъезда. Какое-то неведомое чутье подсказало мне, что это единственный шанс. Правда, перед этим мне пришлось встать по будильнику, насиловать себя ледяным душем и не более приятными процедурами, потом сгонять за машиной – пусть всего квартал, с надеждой, что найду её на месте в целостности и сохранности.

Может, тому способствовал дождь, или, как говорят у них, Провидение, машина была в том состоянии, в каком я её и оставил. Даже дворники приветливо готовились к работе. Видно, непогода отпугнула даже мелких хулиганов. Я только боялся опоздать и пропустить Екатерину, как будто в этом заключалась моя судьба. Я невольно подумал, что спешу, как на свидание. На первое, в семнадцать лет, когда это было осознано.

Катя ещё не выходила – её «Фольсваген» стоял на прежнем месте, и я смог немного расслабиться, в то же время не спуская взгляда с подъезда. Что творилось в моей голове – не передать – то мне казалось, что она пробежала и уехала на другой машине, то – что она передумала и решила остаться дома. Я-то выходил из машины и нервно закуривал на улице, тут же гася сигарету, то опять возвращался в машину и настраивался на новую радиостанцию FM.

Впрочем, ждать пришлось не более получаса. Екатерина вышла, огляделась по сторонам и направилась к своей машине. И мне пришлось проявить недюжинную проворность, чтобы выскочить и открыть перед ней дверь. Как можно более галантно:

– Прошу! – наглость моя пережеглась с неуверенностью.

Не знаю, что почувствовала и поняла Катя, но, с её стороны, это был весьма рискованный эксперимент. Надо отдать ей должное, но она ничуть не удивилась, и восприняла как должное. Тем более что я был чисто выбрит, в белой рубашке с коротким рукавом, идеально отглаженный брюках, а модный пиджак – приобрел по случаю, на распродаже, небрежно лежал на заднем сиденье.

Не изменяя внимательного выражения лица, она, не раздумывая, села рядом со мной, не преминув добавить:

– Тогда придётся поработать водителем и вечером.

Разве она могла сомневаться в моём ответе!

– В чем сложность! – ответ мой мог показаться нарочитым, но я был уверен, что она поймет всё, как надо. Нет, это я подумал уже потом, а сейчас мне хотелось только одного – лишь бы она. – Куда?

– Туда.

И мы проехали почти через весь город, и я молил бога о том, чтобы на пути не попался гаишник, которого не сбил бы столку ни запах мяты – я усиленно сожрал пару жвачек, ни приятая ударная доза антиполицая. Действительно, не появилась Катя, наши с Николаем печёнки годились к утру разве что на ядовитую прикормку для крыс. Но, наверное, умные твари обошли бы её стороной.

Так или иначе, примерно через полчаса мы были на месте, причем во время пути мне приходилось сдерживаться, чтобы не положить (наверняка получил бы по физиономии!) руку на её бесподобную коленку, обтянутую почти невесомой колготкой (так правильно?), и Катя, выйдя из машины, бросила:

– В половине седьмого. В полной уверенности, что ценное указание будет беспрекословно выполнено.

– Хорошо, а если нужно будет раньше? – едва сдерживаясь от беспричинной радости, спросил я, – тогда позвоните по мобильнику – и протянул ей несколько визитных карточек.

Она взглянула на них мельком и бросила в маленькую чёрную сумочку на длинной ручке, удивительно гармонирующую со строгим тёмным костюмом и ослепительно белой блузкой. Совсем не такая девчонка, как вчера, а неприступная леди. (Правда, леди неприступны только внешне, но это замечание не имеет отношения ни к делу, ни к самой Кате). Да, Екатерина была настоящей женщиной. И она лёгкой царственной походкой пошла вперед, зная, что я не смогу удержаться от искушения посмотреть вслед.

Вполне возможно, что ей-то было всё равно – ну, подвёз сосед – и за то сам должен быть благодарен. Но как уверена! За всю дорогу она не произнесла ни слова, если не считать комментариев на предмет выбора мною дороги, а выражения глаз её я не мог видеть из-за тёмных солнцезащитных очков.

Я вернулся домой, как говорят, на автопилоте – мобилизовавшись, смог доехать только в один конец. Раздевшись, плюхнулся в постель – понятно, какой сон у меня был прошлой ночью, и каких усилий стоил подъем – но иначе я не мог. Положив телефон рядом с собой, я отрубился. Мне ничего не снилось, так велико было напряжение.

Но часа в три солнце, совершив свой неизбежный поворот, разбудило-таки меня. Быстро вскочив, я стал приводить свое жилище в божеский вид. И так трудился до пяти, затем – опять холодный душ, и вперед. Лишь бы Катя не дождалась и не передумала. Теперь, правда, я вед машину более уверенно, так как организм взял свое. А от лишнего я, пардон, освободился.

Позвонил Николаю – он возился в гараже с машиной, но не слишком успешно. Я-то его понимал! Но не сказал о своих планах, и угрызения совести меня не мучили.

Екатерина появилась ровно в половине седьмого, немного усталая, но по-прежнему неприступная. Она откинулась на мягкое кресло, и только взглядом поблагодарила меня – наверное, у неё выдался непростой день. Но как она была хороша! Я не мог оторвать взгляд от своей дамы, но ничего не спрашивал, и вел машину не спеша, благо улицы были пусты по причине субботы.

– Может, поужинаем где-нибудь, если вы не спешите? – Я, наконец, набрался наглости, и, к тому же, сам испытывал чувство голода. И не мудрено. Но это было, конечно, предлогом – мне так не хотелось расставаться с Катей.

– Кто девушку ужинает, то её и танцует? – усмехнулась она, но в глазах заблестели озорные огоньки.

– Увы, чаще бывает наоборот, – я тоже не мог оставаться полностью безразличным, – но, меж тем, поужинать не мешало бы.

Катя промолчала, не принимая, но и не отклоняя предложение, и я становился перед небольшим китайским рестораном, который был вполне доступен даже с учетом моих скромных возможностей, а меню – весьма привлекательным. Я заметил, что таких ресторанов в Питере появилось множество, и цены были настолько низкими, что не могла не прийти мысль об очередной экспансии.

Катя от души смеялась, пытаясь зацепить палочками кусочки мяса и рисовые зёрнышки, но осталась довольна. И даже с некоторой признательностью посмотрела на меня. А мне было достаточно одного её присутствия и бесподобного жасминового чая. Который, ко всему прочему, оказывал благотворное действие на моё самочувствие.

Вечером Катя снова зашла ко мне выпить чашечку кофе. Относительный порядок вызвал некоторое одобрение, правда, не высказанное вслух, но которого я не мог не почувствовать. Проводив гостью, я предался бесплодным мечтам, удивляясь, как быстро всё может измениться в жизни, и тому, что Николай так и не запал на такую женщину, хотя некоторые понятия воистину необъяснимы.

Так или иначе, мы стали встречаться. То есть, не встречаться мы не могли, так как я старался увидеть Катю при первой возможности, а расстояние в два этажа не было непреодолимым. Мы, конечно, не договаривались, а так, как бы случайно. И постепенно привыкали друг к другу. Иногда мы сидели у Николая, попивая пиво и беседуя о смысле жизни, иногда мне удавалось вытащить её на выставку или на пляж. Но там мне приходилось охранять Катю от всевозможных любителей. Ибо она не могла не привлекать внимание мужской половины общества. И я замечал завистливые взгляды, и отвечал соответственно, не позволяя в то же время себе никаких поползновений.

В общем, мы стали добрыми друзьями, и даже её дочери прибежали ко мне поиграть на компьютере или переписать новую игру. Вот так.

Катя не могла не заметить, что я ею более чем увлечён. Но ничего не мог сказать, как будто язык мой налился свинцом. Ей ничего не стоило забежать ко мне на чашечку кофе, поговорить. Однако мы не были до конца откровенными, поскольку подспудно происходили совсем другие процессы, уже неуправляемые, на подсознательном уровне. Я не делал попыток обнять или как-то приласкать её, проявить свои чувства. В общем, вёл себя подобающе. То есть, был где-то рядом, и, в то же время, на расстоянии.

И я уже считал, что вскоре стану таким же её приятелем, как и Николай, хорошим другом, и этим всё закончится. Но это меня не устраивало, но я не знал как, и, более того, боялся сделать первый шаг. Но ждала ли она его – вот в чём вопрос. И потому я медлил, даже слишком.

В одной постели мы оказались месяца через два после знакомства, когда казалось, что мои шансы неуклонно стремятся к нулю, как парабола, и, естественно, на её территории. И только тогда, когда Катя сама решила, что ей это нужно, даже не намекнув и не дав повода.

А потом не высказав укора за мои действия. И я до сих пор, уже изучив каждую клеточку её тела, и получив вещественное доказательство, пусть даже не закреплено официально – как она решилась, – не набрался храбрости спросить об этом.

Впрочем, к этому дело и шло.

В какой-то момент я заметил, что Катя, может быть, обмолвившись, произнесла «мы», то есть, имела в виду нас обоих, может, по совсем незначительному поводу. Но это нас объединяло.

Она принимала знаки внимания как должное. Это грело и давало призрачные шансы. Ещё до того я, грешным делом, в своих видениях представлял теперь не Елену, как ни сильна казалась мне привязанность к жене. И уже не мог определить, чего мне хочется больше – вернуть Лену, или быть с Катей. Хотя, если не лукавить, то Катя вытеснила других женщин из моего сознания.

Ей ничего не стоило прийти ко мне в любое время, даже вечером, уложив девочек спать, посмотреть кино, просто поболтать. Как будто, так и должно быть. Она могла зайти и в джинсах с футболкой, и в домашнем халате, и строгом на выход, костюме. И притом была неизменно естественна. Аккуратно уложенные волосы, добрый и понимающий, но, в то же время, предостерегающий от поползновений, взгляд. Мне было хорошо, я не делал никаких попыток к сближению, чтобы не нарушить постепенно устанавливающейся гармонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.